

Со времён Чехова считалось, что журналистом может быть только мужчина. Лишь он-де способен спускаться на самое дно жизни и подниматься на самые её вершины.

Бог с ними; в годы Чехова дамам и на велосипедах кататься возбранялось. Время поставило всё на свои места, в продвинутом двадцатом веке человечество быстро поняло, что у женщин много преимуществ. Наприм ер, самый надутый чиновничий набоб мгновенно расплывается перед красивой деловой женщиной.

Людмила Перкина, пришедшая в "Орловскую правду" в 1972 году из МГУ, была именно красавицей, изящной и сероглазой. Но цвет глаз тут не главное — её красота была высшего порядка, той редкостной, что зовётся обаянием. Известно ведь: обыкновенная красота с возрастом уходит, а вот обаяние — никогда.

Первым Люда обаяла своего начальника, битого жизнью Владимира Скорохода, сурово и въедливо писавшего о строительстве (была ещё у нас в редакции стихотворная поговорка: "Зовут китайскую стену" стеною Скорохода"). Какой дом в Орле с самого начала стройки обозвали "китайской стеной", надеюсь, все знают).

Так вот, Владимир Григорьевич дал Людмиле задание и потом был не совсем доволен написанным ею материалом. Люда, ни слова не говоря, снова отправилась на дальнюю стройку — добирать материал. Узнав об этом (журналист не поленился "дважды ступить в одну реку!"), Скороход пришёл в неистовый восторг. Даже на редколлегии поставил новенькую всем в пример.

А вскоре Перкина научилась писать, почти даже не заглядывая в блокнот; лишь сверяла там цифры, даты, фамилии — остальное плотно сидело в её русой головке.

Выводы её были точны, темы разнообразны: о лесниках, об умельцах, о проблемах производства. Затем перешла в отдел информации, где поразила коллег своей мобильностью, оперативностью, ёмкостью подачи фактов.

Всяческих директоров она окруживала так мило и просто, что многие из них потом сами звонили ей, становясь добровольными "поставщиками" тем.

Людмила недолго оставалась самой молодой журналисткой: скоро в редакцию одновременно явились три рекрута — Юрий Ветров, Василий Есин и примкнувший к ним Оноприенко. И Перкина мгновенно сделала их своими верными пажами. Мы влюбились в неё самозабвенно и целомудренно, сблизившись с её мужем Владимиром, хорошим поэтом, до конца своих дней остававшимся нашим общим другом.

Перкины зазывали нас к себе домой (тогда уже были в редакции Лена Яковлева, Надя Жуликова), и там мы спорили обо всём: возвышенном и бытовом — но никогда о низменном, о пошлом, как это часто бывает сейчас даже по телевизору.

Уверен, что через два-три поколения чистота юных помыслов вновь будет востребована молодёжью и временем.

Говорили не о деньгах, а о поэзии. Смешно, конечно: почти ругались насчёт того, может ли журналист быть поэтом и какое "звание" выше.

— Этого разделять нельзя, — горячилась Люда. — Главное, чтобы человек был личностью. Художник всегда должен быть личностью! Ничтожество никогда не напишет ни одной глубокой строки. Его гниль

СЛОВО РОЖДЕНО БЫТЬ ЧЕСТНЫМ

С. Дьячкина и Г. Эманова.

всегда вылезет наружу, сквозь любые словесные красоты. Слово создано для честных.

Её очень скоро избрали председателем профкома. Так на долгие годы и осталась она бессменным профкомовским лидером редакции, успеваая, конечно же, почти ежедневно давать в номер информации да репортажи.

Профкомовство Людмилы Петровны сделало те времена, пожалуй, самыми счастливыми в "Орловской правде". Возле неё ходили хороводом, двери её кабинета практически не закрывались. Заражённые её энергией, мы, мужики, называли сами себя весело: "вешатели плакатов и подтакнуны столов". Женщины сплотились вокруг Перкиной могучей кучкой, генерирующей всё новые и новые идеи.

А какие то были мастерицы! Среди журналистов Светлана Дьячкина, Галина Эманова, Алла Рыжова были непререкаемыми стилями, их строки лились песней. Они звали читателей обсудить самые разные вопросы, и читатель откликнулся, слал письма, дискуссионный разговор на страницах длился по полгода, не мог уместиться в целые полосы.

До сих пор помню полосу Дьячкиной и Рыжовой о диспуте в железнодорожном обще-

Т. Чистякова, Р. Озерова, Г. Поддуева.

житии, где я прежде жил. Диспут я слышал "вживую", и дивился потом, как разумно уложили опытные журналистки на газетную страницу весь тот (вплоть, конечно, естественный для молодых) сумбур, что несли горячие железнодорожные работяги.

Женщина-журналист тем и сильна, что умеет любую самую жёсткую идеологию оттенить чувством, эмоциональностью словом, идущим не от директивы, а от сердца.

С Эмановой и Дьячкиной часто советовался редактор Сергей Владимирович Коробков, тоже, кстати, на мой взгляд, один из лучших руководителей газеты, умевший всех примирить, отчего и время то стало счастливым.

— Каждый из вас неповторим, — говорил редактор. — И каждый расцветивает газету

своими неповторимыми красками. Пишите, где хотите, хоть на пляже. Только чтобы материал был в срок.

— Когда и сколько? — спрашивали мы.

Больше уточнять ничего было не надо.

Коробков никогда не говорил, что чьей-то публикацией где-то недоволен; мне он завернул только одну статью, да и на той (где это видано?) написал: "В бухгалтерию. Вы-

дежурный редактор, и скоро его пальцы тоже становились все в свинце. К половине восьмого являлась "свежая голова" из корреспондентов, которая и ставила ближе к полуночи окончательную подпись в печать.

А со второго этажа через вертикальную трубу в это время сорванным голосом ругалась отливающая те свинцовые строки "выпускающая":

— У вашего Брежнева на пятой колонке "Б" опять поднялось, проверьте!

— Так и у вашего Хрущёва когда-то "Х" опускалось! — хотела остальные корректоры.

Из тех весёлых девушек сейчас в редакции только Рая Озерова да Татьяна Чистякова.

У машинисток были казусы иного полёта.

— Что вы мне напечатали: вместо "первый секретарь райкома" — "передовой секретарь"!

— А ты что вчера подсунил? — отвечала за всех Галина Евсикова. — Интервью с глухонемым!

Точно: с глухонемым. Директор сам то короткое интервью давал, а чтоб авторство было "рабочее", назвал первую попавшуюся фамилию. Еле убереглись; в последний миг готовый текст директору по телефону прочесть догадались.

Сейчас в машбюро с тех времён осталась только Валентина Черепова, с нею и смакуем прошлое. А с бывшим ретушёром, ныне заместителем ответсекретаря Николаем Шкуновым вспоминаем о том, как фото чуть не поставили вверх ногами... Или как чересчур волосатого токаря отретушировали под лысого: пусть стрижётся вовремя, передовик-хиппи нашёлся...

Все, кого назвал, были радостными профкомовскими вассалами Людмилы Перкиной. Редакция жила как единое целое. И всё благодаря дамам. Без женщин любая контора — казemat, с женщинами — семья.

В 1986 году Людмилу Петровну усиленно сватали в ответсекретари областной журналистской организации.

Представляю, что бы на этом обширном посту сумела сделать Перкина с её ненавязчивой и одновременно неотразимой улыбкой. Ведь она была личностью — и каждый возле неё становился личностью. Энергетики её хватало на всех.

Она упорно отказывалась от предложения, не объясняя причин. Обком партии даже оскорбился. Потом узнали: Перкины уезжают в писательскую Москву.

Ни о ком так не жалели, как о ней.

— Не буду изображать из себя жену декабриста — мол, еду вслед за мужем. Рада и за себя, очень люблю Москву, — сказала Люда на большом прощальном вечере. — А вы приезжайте в гости.

— Ты солнечная, — говорили ей на прощание.

За двадцать лет в её московском доме и впрямь полредакции перебыло. Она работает в ИТАР—ТАСС на изрядной должности. Орловцам всегда рада.

Юрий ОНОПРИЕНКО.